

В. Н. Найденко

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6007

Найденко Виталий Николаевич — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: vnaidenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние этнонациональной сферы в современной России, которое характеризуется ростом этнического самосознания различных социальных групп. Этот рост нередко приобретает искажённые формы и часто ведёт к возникновению этноцентризма, шовинизма, радикального национализма. Раскрывается негативная роль радикального национализма, стремящегося к решительному, коренному изменению существующих общественных и государственных институтов в интересах отдельных национальных общностей, как правило, в ущерб другим этносам. В этих условиях в ряде регионов страны формируется конфликтогенный потенциал.

Особое внимание уделяется анализу процессов формирования скрытой межэтнической напряжённости, выражающейся в гипотетической готовности достаточно большого числа российских граждан к применению стихийных способов разрешения межэтнических конфликтов, в том числе насильственного характера.

В статье раскрывается влияние миграционных процессов на обострение этнонациональных отношений в стране. Миграция обладает высокой конфликтогенной заряженностью, оказывает негативное влияние на социальную обстановку, расширяет возможности для активизации деятельности экстремистских организаций и этнических организованных преступных группировок, формирует условия для коррупции, деформирует внутренний рынок труда, расширяет теневой сектор экономики, ухудшает криминогенную ситуацию. Негативным следствием масштабной миграции является также образование мононациональных анклавов, ухудшающих межнациональную обстановку в стране.

Приведённые в статье результаты научных исследований свидетельствуют, что этнонациональная напряжённость, различные проявления радикального национализма, межнациональные конфликты, этническая преступность и коррупция всегда содержат серьёзные реальные и потенциальные угрозы национальной безопасности на местном, региональном и общероссийском уровнях. Эти угрозы требуют постоянного социологического мониторинга, глубокого научного анализа и своевременного реагирования со стороны государства и общества.

Ключевые слова: национализм, радикальный национализм, этнонациональный экстремизм, этнонациональная напряжённость, конфликтный потенциал, межнациональные конфликты, угрозы национальной безопасности.

Проводимые социологические исследования и анализ научной литературы показывают, что состояние этнонациональной сферы в современных условиях развития России характеризуется наличием различных и порой противоречи-

вых процессов, одним из которых является рост этнического самосознания различных социальных групп во многих регионах страны. В целом этот процесс носит позитивный характер и в значительной степени связан, помимо реакции на неблагоприятную социально-экономическую и духовно-нравственную обстановку в обществе, с попытками исправления различного рода искажений в сфере национальной политики, которые были допущены в прошлые десятилетия.

С сожалением приходится констатировать, что рост этнического самосознания в стране приобретает нередко искажённые формы и ведёт к возникновению этноцентризма, радикального национализма, шовинизма. В обстановке политизации этнонациональных отношений [Гаджиев, 2018: 133], целого ряда социально-экономических проблем и различных негативных групповых воздействий развитие этноцентризма чревато крайне отрицательными последствиями: усилением межнациональной напряжённости, появлением этнонациональных конфликтов [Дмитриев, 1998: 45; Социальные конфликты..., 1999: 307; Дмитриев, 2017: 45], ростом преступлений, связанных с проявлениями национальной вражды и ненависти.

Что касается национализма, то он представляет собой идеологию, политику и практику, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного объединения и её первичности в государствообразующем процессе. Как политическое явление национализм стремится к отстаиванию интересов национальной общности в отношениях с государственной властью и другими этносами. Национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, её территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей.

В Российской империи и Советском Союзе, несмотря на различие идеологических доктрин, на которых они базировались, понятие «национализм» обозначало негативное явление — идеологию и политику, которые исходили из национального превосходства и противопоставления своей нации другим, способствовали развитию национальной замкнутости и национального антагонизма. При этом национализм по смыслу приравнивался к шовинизму, этнократии и ксенофобии.

Ряд учёных и в настоящее время являются сторонниками теории антinationализма, утверждая, что национализм в любых его формах и проявлениях опасен, несовместим с демократией, ведёт к нарастанию культурно-общественных различий и возникновению конфликтов. Поскольку сторонники национализма полагают, что своя этническая общность находится на более высоком по сравнению с другими духовно-нравственном уровне, некоторые его противники считают, что национализм провоцирует большинство современных международных конфликтов и войн. Согласно современной теории антinationализма, пред-

ставленной, например, в трудах Э. Балибара, любому национализму сопутствует расизм [Балибар, Валлерстайн, 2004]. Национализм опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. Идеология национализма стремится к объединению различных слоёв общества конкретного этноса, невзирая на противоположные социальные интересы. В определённые исторические периоды идеология национализма способна обеспечить мобилизацию населения ради достижения общих политических целей, повышение эффективности национальных государств и рост их экономической мощи (см. подр.: [Кон, 2010; Тишков, 1997; Андерсон, 2001; Геллнер, 1991; Малахов, 2005; Смит, 2004]).

Поэтому опасность для Российской Федерации представляет не сам по себе национализм, а его разновидность – радикальный (или крайний) национализм.

Радикальный национализм, как социально опасное явление, представляет собой бескомпромиссную приверженность националистическим взглядам, идеям, концепциям и действиям в социально-политической сфере, направленным на решительное, коренное изменение существующих общественных и государственных институтов в интересах отдельных национальных общностей, как правило, в ущерб другим этносам. Именно радикальный национализм часто перерастает в этнонациональный экстремизм.

На волне начавшихся ещё в условиях перестройки роста национального самосознания, развития этнонациональных движений под влиянием кризисных социально-экономических явлений и резкой активизации некоторых преследующих узкогрупповые цели национальных элит, а также при отсутствии эффективного регулятивного воздействия государства и общества, позитивные этнонациональные тенденции с конца 1980-х гг. стали приобретать гипертрофированный, деформированный характер, а дремавшие негативные этнонациональные процессы вышли на поверхность общественно-политической жизни страны. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР, а затем на постсоветском пространстве они нашли выражение в целом ряде этнонациональных конфликтов, многие из которых приобрели острый политический характер.

Во многих регионах России этнонациональная идея при отсутствии сплачивающей общество социально-культурной, общегосударственной идеи в известной мере заменила прежнюю идеологическую составляющую общественного бытия. Однако в силу самой природы этнонациональной идеи, неспособной объединить всё многонациональное общество, в нём стала действовать мощная дезинтегрирующая сила, заключающая в себе потенциал противопоставления одной этнической группы другой.

Кроме того, в условиях многонациональной страны этот процесс способствовал росту межнациональных конфликтов и противоборства центра и национальных периферий [Здравомыслов, Матвеева, 1995: 11]. Эксперты справедливо отмечают, что в ряде регионов России, как и в бывших республиках Советского Союза, произошло и ощущается до настоящего времени известное перерождение этнонациональной идеи, её трансформация в радикальный национализм

и сепаратизм [Гаджиев, 2018: 136]. Причиной этого являются как неудачи при проведении реформ и полное отрицание прошлого опыта регулирования национальных отношений, так и искусственное подогревание националистических настроений местными национальными элитами, ведущими активную борьбу за власть, и определёнными зарубежными политическими кругами.

Неизбежным результатом преувеличения значения и неадекватного развития этнонациональной идеи является формирование конфликтного потенциала этнонационального сознания, национальной обособленности, а также развитие межнациональной отчуждённости, предвзятости и враждебности одних этносов по отношению к другим и на этой основе – негативных поведенческих стереотипов, различных форм антиобщественного поведения.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года среди основных тенденций мирового развития, которые оказывают и в перспективе будут оказывать негативное влияние на обеспечение национальных интересов России, в связи с этим отмечается: «Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в т. ч. под лозунгами религиозного радикализма» [О Стратегии..., 2009: 2444].

Таким образом, в русле развивающихся этнонациональных процессов, особенно при отсутствии в стране в течение длительного времени эффективных механизмов удержания их в позитивных рамках, возникают предпосылки столкновений на межнациональной и религиозной почве и реальные конфликты между различными этническими общностями с большой потенциальной угрозой для национальной безопасности. В результате действия указанных процессов происходят формирование и углубление этнонациональной напряжённости и противоречий в обществе, а на их основе – долговременного и крайне опасного по своим проявлениям источника угроз безопасности России, в т. ч. для её суверенитета, конституционного строя, территориальной целостности, общественной безопасности. Как показывают исследования, это вызывает серьёзную обеспокоенность россиян.

Так, в ходе общенационального социологического опроса, проведённого Институтом социологии РАН в октябре–ноябре 2014 г.¹, было выявлено, что 28% респондентов испытывают сильную тревогу по поводу возможных межэтнических и межнациональных конфликтов, а 36% – в связи с возможным приходом к власти радикальных националистических и религиозных группировок [Российское общество..., 2015а: 161].

¹ В настоящей статье использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», подготовленные при финансовой поддержке РФФ. Исследование проводилось по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения (апрель 2018г.), а также результаты предшествующих исследований ИС РАН 2012–2018 гг.

Весной 2015 г., по данным Института социологии РАН, межнациональные отношения в стране как спокойные и доброжелательные оценивали 35% респондентов. Внешне спокойными, но внутренне напряжёнными их определяли 39%, напряжёнными они представлялись 14% и на грани открытых столкновений – 2% [Российское общество..., 2015б: 214].

При этом в городах и сёлах проживания межнациональные отношения оценивались как относительно благоприятные, а наиболее тревожными они воспринимались в мегаполисах [Российское общество..., 2016а: 357].

Массовый социологический опрос, проведённый Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН весной 2018 г., показал степень опасений российских граждан в отношении развития возможных межэтнических и межконфессиональных конфликтов в стране: 43% респондентов испытывают по этому поводу некоторое беспокойство, 17% – сильную тревогу, 3% – постоянный страх. Вместе с тем 37% опрошенных не опасаются возможных этнических и религиозных конфликтов [Справка..., 2018].

Степень проявления этнонациональных негативных процессов на территории Российской Федерации неодинакова. Она определяется региональными особенностями, в значительной степени зависящими от социально-экономической ситуации в регионах, от этнонациональной структуры населения, его менталитета. В связи с этим различаются регионы с большей или меньшей степенью этнонациональной напряжённости. В ряде научных исследований выделяются такие её уровни, как невысокий, средний, выше среднего [Этнополитическая ситуация..., 1994: 37; Сикевич, 1999: 92]. Очевидно, можно говорить и о высшей степени этнонациональной напряжённости, которая в соответствующие годы была связана с осетино-ингушским конфликтом 1990–1992 гг., с действиями сепаратистов в Чечне.

Социологические исследования, проведённые во многих регионах страны, показывают, что значительная часть населения весьма чувствительна к «национальному вопросу» и в той или иной мере ощущает наличие этнонациональной напряжённости, связывая её с различными проявлениями в межнациональных отношениях и с национальной политикой на разных уровнях.

Так, в ходе научно-исследовательской работы «Анализ и систематизация причин и условий, способствующих распространению идеологии терроризма в разных группах населения, и разработка рекомендаций по влиянию на эти факторы»¹ были получены результаты оценки респондентами степени опасности угроз в регионах их проживания (см. таблицу 1).

¹ НИР была выполнена Институтом социологии РАН в рамках ФЦП «Антитеррор (2009–2012)», утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 2008 г. № 586-23. В августе–сентябре 2009 г. был проведён массовый социологический опрос населения Южного и Приволжского федеральных округов Российской Федерации. Всего было опрошено 2100 респондентов в Чеченской Республике, Республике Дагестан, Республике Татарстан, Республике Башкортостан, Ставропольском крае и Самарской области. Выборочная совокупность исследования репрезентировала население ЮФО и ПФО по параметрам пола, возраста (от 16 лет и старше), национальной принадлежности, образования и типа населённого пункта проживания.

Таблица 1

Оценка респондентами степени опасности угроз в своём регионе, 2009 г., %

Степень угроз	Среди всех опрошенных	Республика Башкортостан	Республика Дагестан	Республика Татарстан	Чеченская Республика	Самарская область	Ставропольский край
Конфликты на межнациональной почве							
Высокая	11	4	16	4	11	7	23
Средняя	31	28	47	15	24	35	34
Низкая	46	62	23	61	55	39	35
Затруднились ответить	13	6	15	21	10	18	7
Религиозные конфликты							
Высокая	9	2	27	3	13	4	6
Средняя	26	23	45	14	23	25	26
Низкая	51	68	15	61	55	49	55
Затруднились ответить	14	7	13	22	9	21	13
Рост политического экстремизма							
Высокая	11	1	27	2	25	6	6
Средняя	27	21	41	9	37	27	28
Низкая	43	67	16	62	24	45	45
Затруднились ответить	19	10	17	27	14	21	22
Угроза террористических актов							
Высокая	31	3	67	3	62	15	37
Средняя	24	21	23	14	25	32	30
Низкая	32	67	5	59	6	34	24
Затруднились ответить	12	9	6	23	7	19	9
Гражданская война							
Высокая	5	1	9	2	8	4	4
Средняя	18	19	36	10	13	19	12
Низкая	58	71	32	64	63	52	65
Затруднились ответить	19	9	23	25	15	25	19
Рост протестных выступлений в связи с ухудшением условий жизни							
Высокая	12	10	14	5	8	22	13
Средняя	30	33	40	19	23	36	27
Низкая	42	50	29	53	51	23	46
Затруднились ответить	17	7	17	23	18	19	15

Источник: [Анализ., 2009: 52].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о достаточно высоком уровне этнонациональной напряжённости, который оказывает влияние на сохранение и распространение этнонационального экстремизма. Так, по обобщённой оценке всех опрошенных на юге России и в Поволжье, выглядит вполне реальной (если сложить вместе высокую и среднюю оценки степени опасности) вероятность возникновения: угроз терроризма — 55% респондентов, конфликтов на межнациональной почве — 42%, протестных акций в связи с ухудшением условий жизни — 42%, проявлений политического экстремизма — 38%, религиозных конфликтов — 35%, гражданской войны — 23%.

Приведённые данные характеризуют ситуацию на начало 2010-х гг. С того времени ситуация, безусловно, изменилась, однако социологические исследования состояния сферы межнациональных отношений, проведённые в 2016–2018 гг. в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», в целом подтверждают сделанные россиянами в 2009 г. оценки степени угроз в данной сфере. Современные общероссийские опросы выявили, с одной стороны, понимание большинством россиян необходимости межнационального согласия, а с другой — наличие скрытой межэтнической напряжённости, выражающейся в гипотетической готовности достаточно большого числа российских граждан к применению стихийных способов разрешения межэтнических конфликтов, в том числе насильственного характера [Отчёт..., 2017: 13].

Опрос российских граждан, проведённый осенью 2017 г. ФНИСЦ РАН, показал, что ситуация в сфере этнонациональных отношений за последние пять лет оценивается респондентами как напряжённая. Так, около трети респондентов (31%) отметили, что обстановка в этой области ухудшилась, 51% — что она не менялась. И только 17% опрошенных считают, что ситуация улучшилась [Российское общество в 2017-м..., 2017].

Массовый социологический опрос, проведённый весной 2018 г., показал, что соотношение российских граждан, оценивающих положение дел в области этнонациональных отношений за последние пять лет, несколько изменилось: 23% респондентов считают, что эти отношения ухудшились, 60% — что не изменились, 16% полагают, что обстановка улучшилась [Справка..., 2018]. То есть стало чуть меньше тех, кто негативно оценивает ситуацию в этой сфере, и больше тех, кто не видит особых изменений ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Этнонациональная напряжённость в любой степени её развития характеризуется наличием в массовом сознании различных этнических групп определённого конфликтного потенциала, готовностью известной, часто значительной части той или иной группы к активной, в т. ч. противоправной деятельности в защиту интересов своей национальной общности [Иванов, 1992: 31].

В результате проведённого в 2009 г. анализа методов возможного реагирования респондентов на ухудшение социально-экономической ситуации в стране и условий их собственной жизни был выявлен уровень конфликтного потенциала в исследованных регионах (см. рис. 1).

Рис. 1. Способы реагирования респондентов на возможное ухудшение экономической и социальной ситуации в стране и условий их собственной жизни, 2009 г., (закрытый вопрос, не более двух ответов), %

Источник: [Анализ., 2009: 111].

В данном случае уровень конфликтного потенциала оценивался по двум основным показателям: во-первых, готовности респондентов участвовать в массовых протестных выступлениях (забастовках, демонстрациях, голодовках), во-вторых, готовности взяться за оружие.

Как свидетельствуют данные социологического опроса в 2009 г., готовность принять участие в массовых протестных выступлениях выразили 11% респондентов, а готовность взяться за оружие – 3% (см. рис. 1).

Однако следует учитывать, что уровень конфликтного потенциала в определенных условиях может быть существенно выше за счёт довольно значительной доли тех, кто уверен, что предпримет что-либо для защиты своих интересов, но пока не определился, что именно (22%). Следует учесть и 8% респондентов, затруднившихся с ответом.

Выраженная в ходе данного социологического опроса готовность к конфликтному поведению, в т. ч. мерам экстремистского толка, — это не всегда реальные намерения, а скорее отражение настроения, эмоциональное состояние людей. Но при этом следует иметь в виду, что достаточно распространённые протестные настроения граждан могут сыграть существенную роль в подготовке общественного мнения к одобрительному восприятию этнонациональной экстремистской деятельности. Именно эмоции могут стать благодатной почвой для того, чтобы экстремистские проявления в сфере этнонациональных отношений начали получать в обществе понимание и поддержку.

Анализ данных по возрастным группам свидетельствует, что больше всего лиц, готовых взяться за оружие, было зафиксировано в молодёжной среде (5–6% среди 16–24-летних). Среднее же и старшее поколение чаще готово к участию в митингах, забастовках и демонстрациях (12–13%).

Для уточнения масштабов возможных массовых протестных выступлений в ходе социологического исследования в 2009 г. выявлялось соотношение готовности использовать санкционированные, легальные формы массового выражения недовольства и несанкционированные, экстремистские (см. рис. 2).

Рис. 2. Готовность респондентов к участию в массовых протестных выступлениях в случае значительного ухудшения их социально-экономического положения, 2009 г. (закрытый вопрос, любое число ответов), %

Источник: [Анализ., 2009: 114].

Большинство опрошенных (56%) заявили, что ни в каких акциях протеста участвовать не будут. Довольно много (21%) оказалось тех, кто готов участвовать в мирных, разрешённых властями митингах, пикетах, демонстрациях. Число тех, кто готов к несанкционированным властями действиям или же к действиям экстремистского толка, в целом невелико, однако социальная база для подобных выступлений всё же имеется.

Так, 8% опрошенных могут принять участие в мирных, но не разрешённых властями митингах и демонстрациях; 3% готовы в случае значительного ухудшения своего социально-экономического положения принять участие в захватах зданий, перекрытии транспортных путей; 5% заявили, что они готовы взяться за оружие, если ситуация резко ухудшится и мирные способы борьбы за свои интересы результатов не дадут (рис. 2).

Проведённое в 2009 г. социологическое исследование показало, что склонность к незаконным экстремистским действиям коррелирует с возрастом опрошенных: чем моложе опрошенные, тем чаще среди них встречаются люди, готовые взяться за оружие (9% среди 16–19-летних при 3–4% среди людей старше 30 лет), принять участие в захвате зданий и перекрытии транспортных путей (5% среди 16–24-летних при 1% среди людей старше 45 лет), участвовать в несанкционированных митингах и демонстрациях (12–14% среди 16–24-летних при 6–7% среди 30-летних и старше) [Анализ..., 2009: 123].

Социологические исследования, проведённые Институтом социологии РАН весной 2016 г., осенью 2016 г. и весной 2017 г. (три волны) в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», также подтвердили выявленную в 2009 г. тенденцию, заключающуюся в готовности значительного количества российских граждан участвовать в массовых протестных выступлениях. Результаты проведённых в 2016–2017 гг. исследований показали, что в стране сохраняется устойчивое деление россиян на примерно 20% потенциально готовых участвовать в протестных акциях и 80% не готовых [Горшков, 2017: 70].

Если проанализировать данные социологических исследований за последние 10 лет (2009–2018 гг.), то окажется, что пик оценок вероятности массовых протестных выступлений наблюдался в 2009 г., когда россияне весьма болезненно восприняли кризис 2008–2009 гг., — тогда доля признающих возможность таких выступлений взлетела до 38% [Горшков, 2017: 69].

Но при этом следует учитывать опасность появления в настоящее время актуальных мобилизующих лозунгов (как это было в 2011 г.), которые вполне могут спровоцировать массовые протестные выступления.

Данные массового социологического опроса, проведённого в апреле 2017 г., показывают, что вероятность протестных выступлений по сравнению с осенью 2016 г. несколько выросла: доля признающих возможность таких выступлений увеличилась с 23 до 29%, а доля считающих их маловероятными или невозможными

снизилась с 77 до 71%. При этом доля скептиков, сомневающих в реальности новых массовых протестных выступлений, по-прежнему более чем в 2 раза превышает долю тех, кто считает такие выступления возможными [Горшков, 2017: 69].

На готовность присоединиться к массовым протестным выступлениям сильнее всего влияет материальное положение: среди респондентов с хорошим положением лишь 13% выражают готовность принять личное участие в протестных акциях, в то время как среди респондентов с плохим положением – 32% (т. е. каждый третий). По данному критерию жители мегаполисов (16%) отстают от более склонных к протестам жителей райцентров (22%), ПГТ и сёл (21%). При этом наблюдается парадокс: жители мегаполисов выше оценивают вероятность протестных выступлений, но меньше готовы лично в них участвовать, в то время как в «малой России» всё наоборот.

Представляют интерес данные мониторингового социологического исследования ИС РАН (март 2016 г.) о допустимости различных методов отстаивания российскими гражданами своих интересов [Российское общество..., 2016б: 231–234].

Большинство российских граждан (свыше 50%) отвергают незаконные, не говоря уже о насильственных, методы отстаивания своих политических или социальных прав. Допускают их использование только 1–9% опрошенных.

Более терпимы многие россияне к нарушениям формально-правовых правил борьбы за свои интересы (в духе «этого делать нельзя, поскольку закон это запрещает»): допускают в качестве крайней меры несанкционированные митинги / демонстрации / забастовки 34% опрошенных, перекрытие дорог – 29%. Однако когда речь заходит о применении насилия хотя бы в символической форме (забрасывание яйцами / помидорами, публичные оскорбления), то доля допускающих такие методы, даже при отсутствии других возможностей отстаивания своих интересов, сразу падает до 10–15%. Характерно, что призыв к «революционной» смене власти (т. е. сугубо вербальный по своему характеру метод политической борьбы), тем не менее, считают допустимым лишь 3% опрошенных, в принципе не исключают его использования 5%.

Одновременно практически каждый десятый допускает захват административных зданий, формирование отрядов боевиков, применение насилия в отношении представителей власти и полиции и избиение политических противников. Таким образом, ползучая легитимация насилия в качестве инструмента разрешения конфликтов и борьбы с политическими оппонентами представляет серьёзную опасность. Отметим, что 3% россиян считают убийство допустимым инструментом политической борьбы. Причём очевидно, что между бравадой, свойственной в основном молодёжи, и реальной готовностью к применению насилия – дистанция огромного размера. В то же время, как показали события в Украине, для дестабилизации ситуации в стране может хватить и тысячи человек при условии, что значительным слоям населения «революционное

насилие» представляется не только законным и справедливым, но и единственно возможным способом поменять власть в стране. Следует также присоединиться к оценкам некоторых экспертов, считающих, что 1–2% «пассионариев» обладают мультиплицирующим эффектом, способным побудить к активным действиям ещё 5–7% населения. В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможности – при неблагоприятном развитии событий в стране – формирования революционной ситуации, аналогичной киевскому майдану. Свыше 70% опрошенных россиян отвечают на этот вопрос отрицательно. Схожего мнения придерживается и большая часть экспертного сообщества.

Анализ истории развития России показывает, что этнонациональная напряжённость и межнациональные конфликты имеют сложный причинный комплекс, они обычно не исчерпываются собственно этнонациональными условиями, что вовсе не должно вести к недооценке последних. Социальные факторы в принципе обуславливают все общественные конфликты. Однако, когда негативные экономические, политические, социальные и иные условия приобретают национальную окраску, соединяются в сознании людей с их принадлежностью к определённой этнической группе, с ущемлением их национального достоинства, они становятся высоко взрывоопасными, а детерминированные ими этнонациональные конфликты характеризуются особой остротой, длительностью и т. д.

Приведённые в таблице 2 данные массового социологического опроса (апрель 2018 г.) показывают, что свыше 40% респондентов допускают применение насилия в случаях, «если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры», а 43% опрошенных согласны с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» [Справка., 2018].

Таблица 2

С каким из нижеперечисленных суждений Вы бы согласились, а с какими, наоборот, не согласились? (один ответ по каждой строке), %

Суждения	Полностью согласны	Скорее согласны	Скорее не согласны	Не согласны
Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	51,2	34,4	11,8	2,6
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	12,2	28,1	38,4	21,3
Все средства хороши для защиты интересов моего народа	14,6	28,4	38,4	18,6

Состояние этнонациональных отношений в настоящее время характеризуется, при определённой тенденции к снижению противоречий в этой области, существованием в ряде российских регионов подчас значительной напряжённости, а также наличием предпосылок к её обострению. Причина этого в том, что в Российской Федерации не только не создан устойчивый комплекс стабилизирующих факторов, но и сохраняется негативное воздействие условий, вы-

зывающих межнациональную напряжённость и этнонациональные конфликты. К ним относятся социально-экономические, духовно-нравственные, политические, правовые условия, которые в основном имеют внутрисоссийский характер.

Вместе с тем этнонациональные напряжённость и конфликты в России могут возникать или обостряться и при определённом стимулирующем воздействии из-за рубежа [Авдеев и др., 2010: 72–73].

Данные, полученные Институтом социологии РАН в 2017 г., продемонстрировали массовые умонастроения в отношении восприятия россиянами соотношения внешних и внутренних угроз. На момент опроса большинство российских граждан считали основными внешние угрозы (прежде всего, идущие от стран Запада) [Отчёт., 2017: 13].

Так, 67% респондентов, опрошенных Институтом социологии РАН в апреле 2017 г., считают, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа, и только 33% полагают, что основные угрозы для России находятся внутри страны [Российская повседневность., 2017а]. В 2018 г. это соотношение несколько изменилось: 55% опрошенных высказали мнение, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа; 28% респондентов полагают, что основные угрозы для России находятся внутри страны; 17% затруднились ответить [Российское общество после президентских., 2018].

Сохраняющиеся в массовом сознании опасения по поводу превышения внешних угроз над внутренними можно объяснить тем, что многие из формально внешних угроз за последние несколько лет стали уже угрозами внутренними или воспринимаются значительной частью российского общества таковыми [Петухов, 2017: 91].

Серьёзное комплексное значение в сфере этнонациональных отношений в плане их обострения имеют недостаточно контролируемые государством миграционные процессы [Вынужденные мигранты., 1997: 25; Мукомель, 2005: 61, 64]. Так, до 2015 г. Россия ежегодно насчитывала от 10 до 12 млн иностранцев на своей территории, из которых больше половины были трудовыми мигрантами, а 95% – выходцами из СНГ (в первую очередь из Средней Азии) [Миграция., 2018].

Неконтролируемая миграция оказывает негативное влияние на социальную обстановку, расширяет возможности для активизации деятельности международных экстремистских организаций и этнических организованных преступных группировок, формирует условия для коррупции [Коррупция., 2012: 30–58], деформирует внутренний рынок труда, расширяет теневой сектор экономики, ухудшает криминогенную ситуацию. Негативным следствием масштабов нелегальной трудовой миграции является также образование мононациональных анклавов, ухудшающих межнациональную обстановку в стране.

В последние годы миграционные процессы претерпели определённые изменения. По данным аналитиков Центра стратегических разработок, с 2015 г. временная миграция в Россию, в том числе и трудовая, заметно уменьшилась. Сокращение затронуло контингент не только из дальнего зарубежья, но и из

Средней Азии: число мигрантов из Узбекистана и Таджикистана уменьшилось на 15% по сравнению с показателями 2014 г. [Миграция..., 2018]. Численность мигрантов снизилась в результате девальвации рубля, сжатия российского рынка труда и усиления государственного регулирования миграционных процессов (повышение стоимости трудового патента, сокращение квоты на временное проживание в России и т. д.).

В ноябре 2017 г. Российская Федерация сократила иностранцам и лицам без гражданства квоту на временное проживание. В 2018 г. планируется выдать 90 тыс. разрешений на временное проживание, что почти на 20 тыс. меньше, чем в 2017 г. При этом в каждом регионе страны будет действовать своя квота [Миграция..., 2018].

Однако снижение миграционных потоков не влечёт за собой автоматического уменьшения этнонациональных угроз, носителями которых являются мигранты, в первую очередь из Средней Азии.

Миграция, в особенности нелегальная, обладает высокой конфликтогенной заряженностью. Потоки въезжающих в нашу страну мигрантов, представляющих собой преимущественно неквалифицированную рабочую силу, являются конфликтогенами по причине столкновения интересов местных жителей и мигрантов. Последствиями этого являются рост межнациональной напряжённости и усложнение геополитической обстановки в регионах [Коростелева, 2017: 159].

Массовый социологический опрос ИС РАН (март 2016 г.) позволил выявить степень готовности российских граждан принять участие в массовых протестных выступлениях «в защиту местных жителей, против наплыва мигрантов», если они в ближайшее время пройдут по месту проживания респондентов. Готовность участвовать в таких акциях выразили 21% опрошенных (7% – «безусловно да»; 14% – «скорее да»; 35% – «скорее нет»; 43 – «безусловно нет») [Российское общество..., 2016б: 230].

Наиболее проблемными вопросами с точки зрения социальной напряжённости и конфликтности в отношении диаспор / землячеств в Российской Федерации, по мнению экспертов, по степени значимости оказались: навязывание своих норм культуры принимающему обществу (25,2% ответов); несоблюдение норм культуры принимающего общества (21,7%) [Дмитриев, 2017: 45].

Особую опасность представляют экстремисты, проникшие на территорию России по каналам миграции для осуществления преступной деятельности.

Так, в апреле 2018 г. в Санкт-Петербурге были арестованы восемь выходцев из Средней Азии. Следствие полагает, что они с конца 2015 г. занимались вербовкой мигрантов из республик Средней Азии для осуществления террористической и иной подрывной деятельности в интересах запрещённых в России исламистских организаций «Джебхат ан-Нусра» и «Исламское государство». Задержанные пытались вовлечь вербуемых мигрантов в деятельность ряда незаконных вооружённых формирований, в т. ч. на территории иностранных государств. Уголовное дело в отношении задержанных расследуется по признакам состава престу-

пления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности). Ранее в домах подозреваемых были проведены обыски, в ходе которых была изъята экстремистская литература [В Петербурге..., 2017].

В мае 2018 г. в Калининградской области сотрудники ФСБ задержали восемь выходцев из Средней Азии, которые занимались вербовкой жителей региона в запрещённую в России террористическую организацию «Исламское государство». Задержанные являлись также членами запрещённой террористической организации «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад», которая является структурным подразделением ИГИЛ. Двое активистов поддерживали контакт с террористами из Сирии через популярные мессенджеры и склоняли калининградцев к участию в деятельности незаконных вооружённых формирований. Во время обысков в квартирах, где жили задержанные, найдены компьютеры, мобильные телефоны, пропагандистские материалы экстремистского характера и банковские карты [ФСБ задержала..., 2018].

Опрос экспертов, проведённый Институтом социологии РАН в 2016 г., показал, что имеющие место факты нетерпимости, ксенофобии и враждебности, которые возникают на национальной почве, обусловлены, прежде всего, запущенностью многих социально-экономических проблем, а также ощущением культурных различий на фоне масштабных миграционных потоков последних лет. Особое внимание уделяется тому, что нетерпимость часто обращается против собственных граждан, чьи действия воспринимаются как демонстративное нежелание следовать принятым в локальных сообществах нормам поведения. Элементы насилия в межэтнических взаимодействиях могут представляться людям допустимыми в самых разных случаях нарушения справедливости в отношении их народа, но чаще всего — в случаях преступлений против личности и в ситуации, когда правоохранительные органы, по мнению граждан, действуют неэффективно или коррумпированы [Отчёт..., 2016: 9].

В ходе исследований в октябре 2016 г. представлений россиян о будущем страны были получены данные, характеризующие оценку вероятности нарастания межнациональной напряжённости в ближайшие годы. По оценкам респондентов, нарастание напряжённости в этнонациональной сфере: весьма вероятно — 29%; маловероятно — 43%; практически невозможно — 7%; затруднились ответить — 21%. Таким образом, качественная оценка вероятности негативного развития событий в исследуемой области составила 33% [Российское общество..., 2017: 318].

Но при этом следует учитывать, что оценка вероятности негативного развития событий в сфере этнонациональных отношений в России может быть ещё выше. Так, в результате анализа эмпирических исследований, проведённых в 2015–2016 гг. ФОМ и ВЦИОМ по заказу ФАДН, и сравнивая их с данными других исследовательских центров, в том числе Института социологии ФНИСЦ РАН, Л. М. Дробижева показывает, что оценка межэтнических отношений по средним общероссийским данным излишне оптимистична. Испытывают неприязнь к людям какой-то национальности 17%, но в 7 субъектах федерации доля ре-

спондентов с такими установками была 26–30%, а в Москве и Санкт-Петербурге ещё больше. И это были области с доминирующим русским населением. В целом половина (48%) респондентов поддерживают равностатусное положение русских и людей других национальностей в государстве, но среди последних его поддерживают 73%. Этнические предрассудки не изжиты, и этничность остается актуализированной. 38% респондентов согласны с мнением «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Сохраняются проблемы межэтнических отношений на институциональном уровне, в том числе в сфере языка и культуры [Дробижева, 2018: 120].

Таким образом, результаты проведённых научных исследований свидетельствуют, что этнонациональная напряжённость, различные проявления радикального национализма, межнациональные конфликты, этническая преступность и коррупция всегда содержат серьёзные реальные и потенциальные угрозы национальной безопасности нашей страны, тем или иным её аспектам (видам) на местном, региональном и общероссийском уровнях.

Эти проблемы требуют постоянного социологического мониторинга, глубокого научного анализа и своевременного реагирования со стороны государства и общества.

Список литературы

Авдеев Ю. И., Арсеньев В. В., Найденов В. Н. Концептуальные и правовые вопросы совершенствования противодействия экстремизму в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2010. № 4. С. 70–84.

Анализ и систематизация причин и условий, способствующих распространению идеологии терроризма в разных группах населения, и разработка рекомендаций по влиянию на эти факторы: отчёт о НИР. М., 2009. 227 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. 288 с.

В Петербурге арестовали восьмерых предполагаемых вербовщиков ИГИЛ [Электронный ресурс] // Право.Ru [веб-сайт]. 07.04.2017. URL: <https://pravo.ru/news/view/139724/> (Дата обращения: 30.05.2018).

Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / [В. А. Тишков и др.]; отв. ред. В. А. Тишков. М.: ИЭА, 1997. 308 с.

Гаджиев К. С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 130–146.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 322 с.

Горшков М. К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017. 104 с.

Дмитриев А. В. Диаспоры и землячества в регионах: проблемы культурной идентичности // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 43–46.

Дмитриев А. В. Этнический конфликт: теория и практика. М.: Межвед. науч.-учеб. центр комплекс. пробл. нац. политики, 1998. 57 с.

Дробизева Л. М. Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2018. С. 120–145.

Здравомыслов А. Г., Матвеева С. Я. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве. М.: УОП ИЭА РАН, 1995. 30 с.

Иванов В. Конфликтный потенциал межнациональных отношений в регионах России // Конфликты и консенсус. 1992. № 3–4. С. 16–21.

Кон Х. Идея национализма [Электронный ресурс] // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2010. URL: <https://profilib.net/chtenie/141002/marina-mogilner-mify-i-zabluzhdeniya-v-izuchenii-imperii-i-natsionalizma-sbornik-5.php#t2> (Дата обращения: 30.05.2018).

Коростелева Л. Ю. Миграция: многообразие понятий и множество проявлений. Рецензия на книгу: Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения: явление, понятие, детерминанты. М.: Экон-Информ, 2017 // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4. Т. 5. С. 156–160. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.4.5525/>.

Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / [С. Е. Нарышкин и др.]; отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 688 с.

Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2005. 320 с.

Межнациональные конфликты: место и роль органов внутренних дел в межнациональных конфликтах. М.: Академия МВД России, 1992. 255 с.

Миграция 2018 [Электронный ресурс] // Центр управления финансами [веб-сайт]. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/migraciya-2018.php> (Дата обращения: 26.05.2018).

Мукомель В. И. Миграционная политика России. М.: ИС РАН, 2005. 351 с.

Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте современных вызовов и угроз // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 87–92.

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20, ст. 2444.

Российская повседневность: от кризисной к посткризисной реальности. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. М.: ФНИСЦ РАН, 2017а. 19 с. [Электронный ресурс] // Официальный портал Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskaya_povsednevnost_ot_krizisnoj_k_postkrizisnoj_realnosti_2017.pdf (Дата обращения: 03.09.2018).

Российское общество в 2017-м: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. М.: ФНИСЦ РАН, 2017б. 21 с. [Электронный ресурс] // Официальный портал Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/rezume_ross_obschestvo_v_2017 (Дата обращения: 03.09.2018).

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015а. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015б. 432 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016а. 424 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016б. 400 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.

Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 20 с. [Электронный ресурс] // НЭБ E-library. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35095980> (Дата обращения: 03.09.2018).

Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 203 с.

Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практикс, 2004. 466 с.

Социальные конфликты в современной России (проблемы анализа и реагирования). М.: УРСС, 1999. 344 с.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 531 с.

ФСБ задержала восемь вербовщиков ИГИЛ [Электронный ресурс] // URA.RU [веб-сайт]. 23.05.2018. URL: (дата обращения: 30.05.2018).

Этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации / [В. Н. Иванов, А. П. Котов, И. Э. Круговых и др.]. М.: ИСПИ РАН, 1994. 41 с.

Дата поступления в редакцию: 07.06.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6007

Threats to Russia's Security in the Sphere of Ethno-National Relations

Naydenko Vitaly Nikolaevich

Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Main Researcher, Institute of sociology,
FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo st., 24/35, bl. 5, 117218, Moscow, Russia.

E-mail: vnaydenko@yandex.ru

Abstract. The article studies the state of the ethno-national sphere in modern Russia, which is characterized by the growth of ethnic self-awareness of various social groups. This growth often acquires distorted forms and often leads to the emergence of ethnocentrism, chauvinism, radical nationalism. The negative role of radical nationalism, which seeks to drastically and radically change the existing social and state institutions for benefit of distinct national communities, as a rule, to the prejudice of other ethnoses, is revealed. In these conditions a conflictogenic potential is being formed in a number of country's regions.

Particular attention is paid to the analysis of forming of latent interethnic tension, expressed in speculative readiness of a sufficiently large number of Russian citizens to take to spontaneous methods for resolving ethnic conflicts, including those of violent nature.

The article reveals the way the migration processes aggravate ethno-national relations in the country. Migration has a high conflict potential, having a negative impact on the social situation, expanding opportunities to activate extremist organizations and ethnic organized criminal groups, forming conditions for corruption, deforming the internal labor market, expanding the shadow economy, and worsening the crime rate. A negative consequence of large-scale migration is also the generation of mono-ethnic enclaves, which worsen the interethnic situation in the country.

The results in the article show that ethno-national tension, various manifestations of radical nationalism, ethnic conflicts, ethnic crime and corruption always contain serious real and potential threats to national security at the local, regional and all-Russian levels. These threats require constant sociological monitoring, in-depth scientific analysis and timely response from the state and society.

Keywords: nationalism, radical nationalism, ethnic extremism, ethnic tensions, potential conflicts, ethnic conflicts, threats to national security.

REFERENCES

Avdeev Yu. I., Arsen'ev V. V., Naydenko V. N. Kontseptual'nye i pravovye voprosy sovershenstvovaniya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii. [Conceptual and legal issues of improvement of counteraction to extremism in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 11: Pravo. 2010. № 4. P. 70–84. (In Russ.).

Analiz i sistematizatsiya prichin i usloviy, sposobstvuyuschikh rasprostraneniya ideologii terrorizma v raznykh gruppakh naseleniya, i razrabotka rekomendatsiy po vliyaniyu na eti faktory: otchet o NIR. [Analysis and systematization of the causes and conditions that contribute to the spread of the ideology of terrorism in different groups of the population, and the development of recommendations on the impact on these factors: report on research]. M., 2009. 227 p. (In Russ.).

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. [Imagined community. Reflections on the origins and spread of nationalism]. M.: «Kanon-Press-TS», «Kuchkovo Pole» publ., 2001. 288 p. (In Russ.).

Balibar E., Vallersteyn I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti*. [Race, nation, class. Ambiguous identities]. M.: Logos publ., 2004. 288 p. (In Russ.).

Gadzhiev K. S. Rossiyskaya Federatsiya: natsional'noe gosudarstvo ili gosudarstvo narodov? [Russian Federation: national state or state of peoples?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018. № 3. P. 130–146. (In Russ.).

Gellner E. Natsii i natsionalizm. [Nations and nationalism]. M.: Progress publ., 1991. 322 p. (In Russ.).

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obshchestvo v kontekste novoy real'nosti. K itogam i prodolzheniyu sotsiologicheskogo megaproekta. [Russian society in the context of a new reality. To the results and continuation of the sociological megaproject]. M.: Ves' Mir publ., 2017. 104 p. (In Russ.).

Dmitriev A. V. Diaspory i zemlyachestva v regionakh: problemy kul'turnoy identichnosti. [Diasporas and communities in the regions: problems of cultural identity]. *Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoy modernizatsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 12–13 oktyabrya 2017 g.)*. Ed. by A. V. Tikhonov. M.: FNISTS RAN publ., 2017. P. 43–46. (In Russ.).

Dmitriev A. V. Etnicheskiy konflikt: teoriya i praktika. [Diasporas and communities in the regions: problems of cultural identity]. M.: Mezhdved. nauch.-ucheb. tsentr kompleks. probl. nats. Politiki publ., 1998. 57 p. (In Russ.).

Drobizheva L. M. Mezhetnicheskie otnosheniya na rossijskom prostranstve v 2000-e gody: osnovnye trendy v metodologii izucheniya i sotsial'noj praktike. [Interethnic relations in the post-Soviet space in the 2000s: the main trends in the methodology of study and social practice]. *Rossiya reformiruyuschayasya: ezhegodnik: vyp. 16*. Ed. by M. K. Gorshkov. M.: Novyj khronograf, 2018. P. 120–145. (In Russ.).

Etnopoliticheskaya situatsiya v regionakh Rossiyskoy Federatsii. [Ethnopolitical situation in the regions of the Russian Federation]. M.: ISPI RAN publ., 1994. 41 p. (In Russ.).

FSB zaderzhala vosem' verbovshchikov IGIL. [FSB detained eight ISIS recruiters]. [Elektronnyy resurs]: URA.RU: [veb-sayt]. 23.05.2018. URL: <https://ura.news/news/1052336028> (Data obrascheniya: 30.05.2018).

Ivanov V. Konfliktnyy potentsial mezhnatsional'nykh otnosheniy v regionakh Rossii. [Conflict potential of interethnic relations in Russian regions]. *Konflikty i konsensus*. 1992. № 3–4. P. 16–21. (In Russ.).

Kon Kh. Ideya natsionalizma. [The idea of nationalism]. [Elektronnyy resurs]: *Biblioteka VVM*. URL: http://velib.com/read_book/kollektiv_avtorov/mify_i_zabluzhdeniya_v_izuchenii_imperii_i_nacionalizma_sbornik/i_osmyslenie_nacii_v_socialnykh_naukakh/khans_kon_ideja_nacionalizma/ (Data obrascheniya: 30.05.2018). (In Russ.).

Korosteleva L. Yu. Migratsiya: mnogoobrazie ponyatiy i mnozhestvo proyavleniy. Retseziya na knigu: Rybakovskiy L. L. Istoriya i teoriya migratsii naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinanty. [Migration: a variety of concepts and manifestations. Review of the book: Rybakovsky L. L. History and theory of migration: phenomenon, concept, determinants]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2017. № 4. T. 5. P. 156–160. (In Russ.).

Korrupsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystvie: monografiya. [Corruption: nature, manifestations, counteraction: monograph]; ed. by acad. T. Ya. Khabrieva. M.: ID «Yurisprudentsiya» publ., 2012. 688 p. (In Russ.).

Malakhov V. S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya: Uchebnoe posobie*. [Nationalism as a political ideology: a textbook]. M.: KDU, 2005. 320 p. (In Russ.).

Mezhnatsional'nye konflikty: mesto i rol' organov vnutrennikh del v mezhnatsional'nykh konfliktakh. [Interethnic conflicts: the place and role of internal Affairs bodies in interethnic conflicts]. M.: Akademiya MVD Rossii publ., 1992. 255 p. (In Russ.).

Migratsiya 2018. [Migration 2018]. [Elektronnyy resurs]: *Tsentr upravleniya finansami*. URL: <http://center-vf.ru/data/stat/migratsiya-2018.php> (Data obrascheniya: 26.05.2018). (In Russ.).

Mukomel' V. I. Migratsionnaya politika Rossii. [Russian migration policy]. M.: IS RAN publ., 2005. 351 p. (In Russ.).

Petukhov V. V. Vneshnepoliticheskie orientatsii rossiyan v kontekste sovremennykh vyzovov i ugroz. [Foreign policy orientations of Russians in the context of modern challenges and threats]. *Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoy modernizatsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 12–13 oktyabrya 2017 g.)*. Ed. by A. V. Tikhonov. M.: FNISTS RAN publ., 2017. P. 87–92. (In Russ.).

O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537. [About Strategy of national security of the Russian Federation till 2020: the decree of the President of the Russian Federation of may 12, 2009 No. 537]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2009. № 20, st. 2444. (In Russ.).

Rossiyskaya povsednevnost': ot krizisnoy k postkrizisnoy real'nosti. Informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obscherossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya. [Russian everyday life: from crisis to post-crisis reality. Information and analytical summary on the results of the

all-Russian sociological research]. M.: FNISTS RAN, 2017a. 19 p. [Elektronnyy resurs]. Ofitsial'nyy portal Instituta Sotsiologii RAN. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskaya_povsednevnost_ot_krizisnoy_k_postkrizisnoy_realnosti_2017.pdf (Data obrascheniya: 03.09.2018).

Rossiyskoe obschestvo v 2017-m: sotsial'noe samochuvstvie, trevogi, nadezhdy na budushee. Informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obscherossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya. [Russian society in 2017: social well-being, anxiety, hopes for the future. Information and analytical summary on the results of the all-Russian sociological research]. M.: FNISTS RAN, 2017b. 21 p. [Elektronnyy resurs]. Ofitsial'nyy portal Instituta sotsiologii RAN. URL: http://www.isras.ru/rezyume_ross_obschestvo_v_2017 (Data obrascheniya: 03.09.2018).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. [Russian society and the challenges of the time. Book first]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2015. 336 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. [Russian society and the challenges of the time. Book second]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2015. 432 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ya. [Russian society and the challenges of the time. Book third]. Ed. by M. K. Gorshkova, N. E. Tikhonovoy. M.: Ves' Mir publ., 2016a. 424 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya. [Russian society and the challenges of the time. Book fourth]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2016b. 400 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya. [Russian society and the challenges of the time. Book fifth]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ., 2017. 424 p. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo posle prezidentskikh vyborov – 2018: zapros na peremenu. Informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obscherossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya. [Russian society after the presidential election-2018: request for change. Information and analytical summary on the results of the all-Russian sociological research]. M.: FNISTS RAN, 2017a. 20 p. [Elektronnyy resurs]. E-library. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35095980> (Data obrascheniya: 03.09.2018).

Sikevich Z. V. *Sotsiologiya i psikhologiya natsional'nykh otnosheniy: ucheb. posobie.* [Sociology and psychology of national relations: studies. benefit]. SPb.: Izd-vo Mikhaylova V. A. publ., 1999. 203 p. (In Russ.).

Smit E. D. *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma.* [Nationalism and modernism: a Critical review of contemporary theories of Nations and nationalism]. M.: Praksis publ., 2004. 466 p. (In Russ.).

Sotsial'nye konflikty v sovremennoy Rossii (problemy analiza i reagirovaniya). [Social conflicts in modern Russia (problems of analysis and response)]. M.: URSS publ., 1999. 344 p. (In Russ.).

Tishkov V. A. *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii.* [Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia]. M.: Russkiy mir publ., 1997. 531 p.

V Peterburge arestovali vos'merykh predpolagaemykh verbovschikov IGIL. [In St. Petersburg detained eight suspected ISIS recruiters]. [Elektronnyy resurs]: Pravo. Ru: 07.04.2017. [veb-sayt]: URL: <https://pravo.ru/news/view/139724/> (Data obrascheniya: 30.05.2018). (In Russ.).

Vynuzhdennyye migranty: integratsiya i vozvrashchenie. [Forced migrants: integration and return]. Ed. by V. A. Tishkov. M.: IEA publ., 1997. 308 p. (In Russ.).

Zdravomyslov A. G., Matveeva S. Ya. *Mezhnatsional'nye konflikty v Rossii i postsovetskom prostranstve.* [Interethnic conflicts in Russia and post-Soviet space]. M.: UOP IEA RAN, 1995. 30 p. (In Russ.).

Date received by 07.06.2018.